

Художник Н. Рыс

Доктор Л.

Софья
Ролдугина

НАНОФАНТАСТИКА

Говорят, что лет сорок назад сводная сестра зятя троюродной бабушки племянницы второй жены мэра шепнула по секрету соседке, что доктор Л. творит чудеса. Скажи кто другой, можно было б и усомниться; но человек со связями-то дурного не посоветует!

Очереди тогда тянулись к нему — аж от самой ратуши. Записываться за месяц приходилось. Теперь-то народ поуспокоился, но все равно стекается к заветному дому с утра, благо ждать господина доктора — одно удовольствие: кресла-мешки в приемной намягчайшие, музыка играет тихонько, для слушающих — книжки на полках расставлены. И самое главное, прямо на глазах у честного народа рождается волшебство: входит человек мрачный, сутулый, злой, а выходит — легонький и посвежевший, разве что не поет.

Вот и сейчас — звякает колокольчик, голос звучит: «Следующий!» Неуверенно поднимается дерганая хмурая девица, трогает дверь кабинета.

— Проходите, голубушка, — ласково зовет доктор. — На что жалуюсь?

Девица неуверенно замирает на пороге: слишком уж доктор Л. похож на ее дедушку. Усы пышные, седые, глаза голубые, лицо круглое. Только старого зеленого кителя не хватает, но где нынче отыщешь? Да и не носят доктора ничего такого.

— Тошно мне, — признается наконец девица, присев на краешек стула. — Мерзну, из рук все валится, мысли мрачные одолевают. Встаю рано, и потом спать целый день хочется...

Доктор Л. сочувственно цокает языком, смотрит на пациентку, затем в окно.

— Это у вас, голубушка, поздняя осень, тяжелый случай. Как домой вернетесь — сварите какао с зефирками, присядьте в кресло, пледом укройтесь. Детективов примите или чего-

нибудь приключенческого, из классики, но не больше тома за вечер. Через недельку полегчает.

— Правда?

— Правда, правда. Хорошо б до весны закуклиться, но тут уж по обстоятельствам. Ступайте, голубушка.

Выпархивает из кабинета девица ободренная, вроде бы даже с чем-то мечтательным в глазах. Тут же поднимается другой пациент, суховатый и бледный впрозелень господин. Входит в кабинет, пошатываясь, а заговорить сразу не может — больно доктор Л. напоминает его незабвенную матушку. Такая же высокая, нескладная, с пучком на затылке, только взгляд не строгий, а добрый и будто бы понимающий.

— Я что-то катастрофически устаю, — начинает перечислять суховатый господин. — Времени ни на что не хватает. Жену уже неделю не видел, внуков — месяц. Родной пес узнавать перестал! А как засыпаю — вижу цифры, цифры, и все столбиками. И точно знаю, что где-то там ошибка!

Господин закашливается, и доктор Л. с пониманием кивает.

— Это у вас, дорогой мой, работка, — говорит она ласково, но строго. — В хронической стадии. Берите отпуск, жену, внуков, собаку — и езжайте все вместе к морю. На месяц, не меньше.

— Как так! А цифры? — задыхается господин.

— Не пропадут, — авторитетно заявляет доктор Л. и черкает в бланке. — Вот еще, возьмете в аптеке тишину и покой. Принимать ежедневно, слышите?

А в коридоре тем временем молодая женщина в растянутом спортивном костюме ждет своей очереди. На руках у нее младенец, за штанину держится мальчик постарше, поглядывая на кадку с кактусами в дальнем углу. Девчонка-младшешеклассница с двумя хвостиками скачет вокруг на невидимой лошадке. Потом замирает, глядит на прикрытую дверь, читает по слогам:

— Док-тор-лень. Мам, ма-ам, ты же говорила, что лень — плохо?

Женщина, задремавшая было сидя, вздрагивает. Кумушка в соседнем кресле приманивает невидимым сахаром невидимую девчоночью лошадку и шепчет заговорщицки:

— Тут, милая, все дело в пропорциях. Больше — яд, меньше — лекарство. Ничего, с наше поживешь — поймешь.

Молодая женщина кивает в такт ее словам — и вновь засыпает, умудряясь и во сне покачивать младенца и не пускать мальчишку к кактусам.

Неожиданно приоткрывается тяжелая входная дверь, и в приемную заглядывает лохматая голова.

— Простите, — басит голова и виновато хлюпает носом. — Я бы хотел за ум взяться. Вот хотел спросить, с какого конца...

— Это вам не сюда! — отвечают ему вразнобой. — Тут только самолечение поможет. Силы воли себе заварите. Пинки, говорят, тоже помогают, спросите у друзей!

— А у них будет? — удивляется лохматая голова. Из-под челки блестят заспанные глаза.

— Смотря у каких, — задумчиво тянет давешняя словоохотливая кумушка. — У настоящих — непременно.

Доктор принимает без перерыва, никому не отказывает. Постепенно к вечеру стопка бумаги для рецептов на столе тощает; солнце садится, зажигаются фонари. Наконец закрывается дверь за последним страждущим. Доктор Л. тяжело встает, держась за больную спину, поднимается на второй этаж, включает свет на кухне, заваривает чай с печенкой и с печалькой. Ночь на дворе; пора ложиться спать.

Наверное, можно сказать, что доктор Л. — настоящий альтруист; он очень любит людей. Но с тех пор как сводная сестра зятя троюродной бабушки племянницы второй жены мэра запустила ту дурацкую сплетню, у него не было ни одного выходного.

Иногда это кажется доктору ужасно несправедливым.

